

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

М.Э. Поснов

**Ответ В.Д. Попову на его
возражения против нашей
критической заметки о его книге**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1906. № 2. С. 313-323.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Отвѣтъ В. Д. Попову на его возраженія противъ нашей критической замѣтки о его книгѣ.

Въ „Христіанскомъ Читеніи“ за 1905 г., кн. IX, стр. 381—392, мы помѣстили критическую замѣтку на книгу В. Д. Попова „Возвращеніе іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго и первые годы ихъ жизни въ Палестинѣ до прибытія Ездры въ Іерусалимъ (458 г.)“, гдѣ отмѣтили достоинства сочиненія: довольно основательное знакомство автора съ литературой предмета, его спокойную критику и сравнительно полное обслѣдованіе внѣшнихъ событій жизни іудейскаго народа разсматриваемаго періода, и указали нѣкоторые недостатки — излишнее увлеченіе автора изложеніемъ и разборомъ сужденій и мнѣній западныхъ ученыхъ на счетъ положительнаго, плавнаго изложенія библейскихъ событій и игнорированіе внутренней стороны жизни народа. Въ заключеніе, не желая огорчить чѣмъ нибудь автора, первый печатный трудъ котораго только что появился, мы постарались, насколько возможно, смягчить и безъ того очень умѣренную критику. Мы писали: „все, что мы сказали о сочиненіи В. Д. Попова,—это не въ судъ, или осужденіе автора. Въдь о всякомъ трудѣ нужно судить не по его недостаткамъ, отъ которыхъ не свободно ни одно человѣческое произведеніе, а по достоинствамъ, которыя не рѣдко бываютъ сомнительны, а въ данномъ случаѣ на лицо. При томъ, главный недостатокъ сочиненія В. Д. Попова (игнорированіе внутренней жизни народа) такого рода, что его можно и не ставить въ счетъ автора, а объяснять его изъ особаго направленія его, какъ историка“ (—реалиста) стр. 391.—Но

вотъ въ декабрьской книжкѣ того же журнала за тотъ же годъ появилось „нѣсколько словъ“ со стороны В. Д. Попова въ отвѣтъ намъ, гдѣ авторъ обвиняетъ насъ въ непониманіи центра тяжести его работы, который, по его словамъ, „долженъ падать на внѣшнія ¹⁾ событія, какъ наиболѣе подвергающіяся сомнѣнію“... его работы, *претендующей*, по его собственному сознанию, на значеніе научной работы, серьезно считающейся съ такимъ или инымъ положеніемъ известной проблемы въ наукѣ“ (стр. 822); кромѣ того, авторъ обвиняетъ насъ въ игнорированіи, или даже въ незнакомствѣ съ западной литературой (817 стр.), въ „искусственной мозаикѣ“ (стр. 824), въ „горячности сужденій, въ доктринально-аподиктическомъ тонѣ“ (стр. 825) и во многомъ другомъ.

Оказывается, такимъ образомъ, что нашу критикою недовольны. Выходить, нужно было выискивать въ книгѣ автора достоинства и достоинства, хвалить и хвалить, словомъ, писать панегирикъ, а не критическую записку, хотя бы и по крайнему разумѣнію. Но ближе къ дѣлу и частиѣе.

Сочиненіе В. Д. Попова озаглавляется: „Возвращеніе іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго и первые годы ихъ жизни въ Палестинѣ до прибытія Ездры въ Иерусалимъ (458 г.)“. Мы назвали это заглавіе „длиннымъ, не складнымъ и не совсемъ понятнымъ“ (Хр. Чт. 1905, IX, стр. 383),—и сейчасъ остаемся при прежнемъ сужденіи. Заглавіе книги должно быть звучно и красиво и прямо указывать на основную идею сочиненія. Когда возникаетъ вопросъ о первыхъ годахъ жизни іудейскаго народа, по возвращеніи изъ плѣна, то всякій болѣе или менѣе знакомый съ дѣломъ понимаетъ, что рѣчь идетъ о томъ темномъ, но богатомъ содержаніемъ, а потому интересномъ и важномъ времени, когда происходило броженіе среди палестинскаго іудейства, кончившееся признаніемъ надъ собою власти закона (номократіи) при Ездрѣ. Здѣсь, дѣло представляется такъ. Въ плѣну вавилонскомъ, вѣроятнѣе всего, уже во 2-й половинѣ его, происходитъ возрожденіе народа, составляется новое теченіе, образуется рѣка новой жизни по *руслу закона*. Указъ Кира сдѣлалъ то, что отъ этой рѣки отдѣлился значительный рукавъ людей, въ сущности, быть можетъ, не отрицавшихъ необходимости закона, но проникнутыхъ живою надеждою, или лучше мечтою, на

¹⁾ Курсивъ В. Д. Попова.

самое скорое явленіе Мессіи. Но послѣдовавшія затѣмъ различныя неудачи въ Палестинѣ и вообще наступившее время малыхъ дѣлъ и незначительныхъ вещей послѣ плѣна—разбили ихъ мечты, и радостное воодушевленное настроеніе возвратившихся изъ плѣна смѣнилось уныніемъ, почти отчаяніемъ, и—повидимому отриданіемъ закона ¹⁾. Но вотъ въ самомъ скоромъ—послѣ пр. Малахій—времени приходитъ въ Иерусалимъ Ездра *отъ вавилонской общины*, и „весь народъ, какъ одинъ человекъ, собрался на площади... и сказали книжнику Ездрѣ, чтобы онъ принесъ книгу закона Моисеева... и уши всего народа были приложены къ книгѣ закона“ (Неем. VIII, 1, 3 и дал.). Такимъ образомъ съ іерусалимскою общиною происходятъ быстрыя метаморфозы, и въ концѣ концовъ большой ручей, отдѣлившійся отъ рѣки іудейства чрезъ указъ Кира, опять впадаетъ въ общую рѣку строгой законности. Эта то, продолжая выражаться образно, дуга въ жизни послѣплѣнной іудейской общины и должна была сдѣлаться предметомъ изслѣдованія автора. Поэтому не мелочность, или придирчивость и не уость или буквализмъ въ пониманіи темы автора заставляетъ насъ, какъ неправильно думаетъ авторъ, возражать противъ самой формулировки его темы, а вполнѣ естественное желаніе въ заглавіи видѣть идею, въ сочиненіи смыслъ. Поэтому мы ничего не имѣли бы противъ такой, напр., формулировки темы: *Первые годы іудейской общины въ Палестинѣ съ подзаголовкомъ—въ связи съ возрожденіемъ народа въ плѣну*. Мы увидѣли бы тогда, что авторъ уразумѣлъ смыслъ темы, постигъ суть разсматриваемаго времени, уловилъ зерно сочиненія и вѣрно опредѣлилъ задачу своей работы, такъ что постарался выразить это и въ самой формулировкѣ своей темы (съ подзаголовкомъ). Но такое заглавіе сочиненія, какъ „Возвращеніе іудеевъ...“, и такое содержаніе: „Ч. I, гл. I освобожденіе іудеевъ изъ вавилонскаго плѣна. II гл. предводитель 1-го каравана. III гл. выступленіе іудеевъ изъ Вавилоніи. IV гл. гипотеза Костерса. Ч. II, гл. V, устройство общины въ Палестинѣ. VI сооруженіе жертвенника и начало храма. VII возстановленіе работъ во 2-й годъ Дарія и гл. VIII періодъ

¹⁾ Ср. Мак. III, 13—15: „Дерзостны предо мною слова ваши... вы говорите: тщетно служеніе Богу, и что пользы, что мы соблюдали постановленія Его?... лучше устраиваютъ себя дѣлающіе беззаконія“. Ср. I, 10, 12—14.

іуд. исторіи отъ 516—458^а (стр. 369—420),—такое говоримъ, заглавіе и содержаніе убѣдительно говорятъ, что авторъ не понялъ своей задачи, испортилъ дѣло, изуродовалъ тему. И это безконечно жаль. Скоро ли мы теперь, при нашей скудости, дождемся, чтобы кто-нибудь другой взялся за дѣло и выяснилъ, насколько возможно, одинъ изъ труднѣйшихъ періодовъ въ жизни іудейскаго народа! Здѣсь для очень и очень многихъ будетъ служить препятствіемъ то, что вѣдь объ этомъ періодѣ есть „спеціальнѣй“ трудъ... Вотъ смыслъ нашихъ возраженій противъ формулировки темы и постановки сочиненія В. Д. Попова ¹⁾.

Авторъ, какъ мы сказали, не соглашается съ нами, и центръ тяжести своего сочиненія видитъ „во внѣшнихъ событіяхъ“ послѣплѣннаго времени. Но на какомъ же это основаніи? Такъ дѣлаютъ, отвѣчаетъ авторъ, западные ученые. Различныя—Никель, Костерсъ, Гоонаккеръ и др., озаглавливая свои труды: *nach dem babylonischen exil*, *apres l'exil*, всѣ изслѣдуютъ актъ освобожденія изъ плѣна (стр. 820). Вотъ невольное признаніе: я такъ сдѣлалъ, потому что у западныхъ ученыхъ такъ! Да, у автора не было и нѣтъ никакихъ другихъ оправданій ²⁾, кромѣ этого невольнаго признанія,

¹⁾ В. Д. Поповъ, въ оправданіе себя, пожалуй, сошлется на Совѣтъ профессоровъ академіи, разрѣшившій ему эту тему. Но нужно помнить, что Совѣтъ, именно *разрѣшаетъ, а не одобряетъ*, подобно тому какъ цензура, выпуская книгу, отнюдь не ручается за внутреннее достоинство ея. У Совѣта другая цѣль. А если бы кто, напр., обратился къ нему за разъясненіемъ, то Совѣтъ съ полнымъ правомъ, указывая на автора, сказалъ бы: „спросите его, самъ возрастъ имѣетъ“.

²⁾ Вѣдь нельзя же считать за основаніе общее сужденіе автора: „количество библейскаго матеріала не является еще главнымъ условіемъ такой или иной постановки вопроса, и одинъ стихъ библейскаго текста можетъ служить предметомъ цѣлаго изслѣдованія, въ нашемъ же распоряженіи, по мнѣнію самого критика, находятся цѣлыхъ 9 стиховъ—матеріалъ, можно сказать, весьма достаточный особенно по относительному сравненію вообще историческихъ данныхъ для послѣплѣннаго періода“ (стр. 817—818). Это авторъ отвѣчаетъ на часть нашего возраженія: зачѣмъ авторъ (т. е. В. Д. Поповъ) посвящаетъ половину сочиненія на тему—возвращеніе изъ плѣна, когда въ библии этому событію удѣлено только нѣсколько стиховъ—1 Езд. I, 5 и 2 Езд. V, 1—8, см. стр. 383. Мы не понимаемъ какое отношеніе къ сочиненію В. Д. Попова можетъ имѣть это общее, несомнѣнно, вѣрное сужденіе. Дѣйствительно, и одинъ стихъ изъ библ. книги можетъ служить предметомъ цѣлаго изслѣдованія даже одно слово, какъ напр. *Ad. Poznanski* выпустилъ въ Лейпцигѣ, въ 1904 г., только 1-ю часть (455 стр. съ прилож. въ I—LXXVI стр.) своего

что онъ въ данномъ случаѣ слѣдовалъ западнымъ ученымъ. И авторъ даже удивляется, какъ это можно возражать противъ его постановки дѣла, не игнорируя западныхъ ученыхъ (см. стр. 817). Но въ этомъ удивленіи автора, какъ выразился нашъ сатирикъ по другому поводу, нѣтъ ничего удивительнаго, кромѣ его собственнаго удивленія.—Мы вполне соглашаемся съ авторомъ, что онъ дѣйствительно въ данномъ случаѣ былъ въ полной зависимости отъ западныхъ библеистовъ. Очевидно, это было для насъ и тогда, когда мы писали и свою первую замѣтку о его книгѣ; только мы считали не совсѣмъ удобнымъ и вѣжливымъ указать на это. Теперь намъ самъ авторъ освобождаетъ руки и развязываетъ языкъ, и мы постараемся на основаніи оффиціальнаго даннаго подтвердить справедливость его невольнаго признанія и разъяснить, почему нельзя было подражать въ этомъ западнымъ ученымъ.

Настоящая книга автора есть въ сущности передѣлка его студенческой работы на тему: „Первые годы жизни іудеевъ въ Палестинѣ по возвращеніи изъ плѣна вавилонскаго (отъ возвращенія изъ плѣна до прибытія Ездры въ Іерусалимъ)“. Очевидно, опытный профессоръ, предлагавшій эту тему для

сочиненія „*Schiloh*“ ср. Быт. XLIX, 10. Матеріалы къ исторіи мессіан. ученія. Но у нашего автора развѣ дѣло такъ обстоитъ, развѣ онъ занимается анализомъ библейскихъ стиховъ на протяженіи 1-й половины своей работы. Притомъ можно ли даже подвергнуть богатому анализу стихи съ историческимъ, статистическимъ и фактическимъ содержаніемъ, каковы тѣ 9 стиховъ, которые имѣетъ въ распоряженіи авторъ?.. Впрочемъ, самъ авторъ сознается, что сужденіе онъ высказалъ такъ, вродѣ какъ для краснаго слова: „сознаемся, что не потому мы выдвинули возвращеніе іудеевъ на головное мѣсто (что у насъ въ запасѣ пѣлугъ 9 стиховъ изъ бібліи), а потому же, почему и западная наука выдвигаетъ его на преимущественное мѣсто“ (стр. 818). Словомъ, основаніе одно—это подраженіе западной наукѣ. Но сознавая, что такое основаніе слишкомъ виѣшне и поверхностно, авторъ въ оправданіе себя пытается привести сравненіе. Онъ говоритъ: манифестомъ 19 февр. 1861 г. можетъ кончатъ историкъ крѣпостнаго права и имъ же можетъ начинать историкъ освобожденной Россіи (820). Но вѣдь уже давно сказано, что сравненіе не доказательство. Манифестъ 19 февр. заключалъ въ себѣ зерна, зародыши новой жизни. Указъ же Кира вовсе не былъ причиною возрожденія народа, а скорѣе—слѣдствіемъ его. Все значеніе его, какъ уже сказано, заключается въ томъ, что онъ способствовалъ выдѣленію изъ общаго теченія іудейства элементовъ вѣскольکو иначе настроенныхъ. Но это выдѣленіе было только временнымъ.

курсовой работы, предвидѣлъ возможность уклоненія отъ нея молодыхъ авторовъ въ сторону; поэтому онъ, опредѣленно указавъ рамки сочиненія въ самой темѣ, въ поясненіи къ ней, въ скобкахъ, какъ бы подчеркнул *ab quo* и *ad quem* сочиненія (см. Журналы кievской духовной академіи, за 1901—1902 учебный годъ, стр. 317). Но, взявши эту тему, студентъ В. Поповъ не хотѣлъ этого уразумѣть. Въ концѣ 1901—1902 учебнаго года онъ представилъ сочиненіе, которое, по отзыву проф. В. П. Рыбинскаго, содержало—введеніе (I—XXVII) объ источникахъ и литературѣ предмета, о задачѣ и планѣ работы и самое сочиненіе изъ 8-ми главъ: въ первыхъ четырехъ главахъ разсматривается указъ Кира, устанавливается личность предводителя іудеевъ, опредѣляется составъ общины и мѣста посещенія въ Палестинѣ, и защищается (противъ Кюстера) историческій характеръ самаго факта возвращенія іудеевъ при Кирѣ; въ дальнѣйшихъ четырехъ рѣчь идетъ объ отношеніи общины іудейской къ сосѣднимъ народамъ, о сооруженіи жертвенника и храма, отмѣчаются „*нѣкоторыя черты внутренней жизни*“ іудейской общины и устанавливается время прибытія Ездры въ Иерусалимъ (Протоколы 1901—1902 г., стр. 317). То есть: не только схема, но—повидимому—и содержаніе студенческой работы В. Д. Попова и настоящей печатной книги—однѣ и тѣ же.—Но какъ могъ студентъ В. Поповъ, при столь опредѣленной темѣ, такъ далеко уклониться въ сторону и не исполнить своей главной задачи? Здѣсь возможно такое предположеніе. Взявши для своей работы тему: *первые годы жизни іудеевъ въ Палестинѣ*, авторъ могъ ранѣе всего попытаться уловить суть темы и составить планъ работы. Подъ первымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ онъ не могъ не видѣть, что задача его работы освѣтить, насколько возможно, исторію жизни іудейской общины отъ выдѣленія ея изъ вавилонской, чрезъ указъ Кира, и до какъ бы новаго слиянія съ нею чрезъ дѣятельность Ездры. Авторъ видѣлъ, что работа предстоитъ чрезвычайно трудная—раскрытіе неясныхъ броженій, быстрыхъ метаморфозъ, законническихъ идей внутренней жизни пробуждавшагося народа. Главными свидѣтелями этого были,—а потому должны быть первостепенными источниками—пророки Аггей, Захарія, Малахія и отчасти Іезекиль и Даніиль,—пророки, помогшіе возрожденію народа и руководившіе имъ на этомъ пути; кромѣ книгъ про-

роческихъ, важными источниками являются нѣкоторые псалмы и книги Ездры-Нееміи. Матеріаль для сочиненія нужно было добывать внимательнымъ изученіемъ упомянутыхъ пророковъ, для чего требовалось проштудировать много экзегетовъ, собирая нужныя данныя по крупницамъ. Не удивительно, если подобная работа устарила студента и показалась ему не посильною. Нужно было оставить эту тему и приняться за другую. Но это не особенно влекло: съ этою темою студентъ успѣлъ болѣе или менѣе освоиться, а другая, совсѣмъ неизвѣстная, тема могла имѣть еще большія неудобства. Здѣсь-то у раздумывающаго автора и могла явиться „счастливая“ мысль „объ обходѣ“ темы, столь традиціонно-русскомъ и характерномъ для многихъ пути къ цѣли, — объ уклоненіи отъ прямой задачи сочиненія, столь трудной. Обстоятельства благоприятствовали: хронологически близко стоялъ къ темѣ фактъ освобожденія изъ плѣна, событіе, какъ извѣстно, имѣющее обширную литературу, чтеніе ея гораздо легче и благодарнѣе, чѣмъ работа надъ экзегетами пророческихъ книгъ. Этимъ-то окольнымъ, но несравненно болѣе легкимъ путемъ къ цѣли и воспользовался авторъ. Таково, по нашему мнѣнію, происхожденіе курсовой работы студента В. Попова.—Когда же авторъ задался благими намѣреніями представить свое сочиненіе на степень магистра, то, видя, что первая половина его сочиненія, — цѣлыхъ четыре главы, — собственно не на тему, онъ измѣнилъ тему — въ такую: Возвращеніе іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго и первые годы ихъ жизни въ Палестинѣ до прибытія Ездры въ Иерусалимъ (458 г.), — конечно не измѣняя содержания. Напримѣръ, авторъ не счелъ даже нужнымъ привести въ большій порядокъ матеріаль въ своемъ сочиненіи, нежели это было въ студенческой работѣ: какъ была поставлена несчастная гипотеза Кюстера, *отрицающая* самый фактъ освобожденія изъ плѣна, *послѣ поселенія возвратившихся* въ Палестинѣ, такъ стеситъ она и теперь въ печатномъ трудѣ В. Д. Попова; какъ въ студенческой работѣ отмѣчаются только „нѣкоторыя черты внутренней жизни іудейской общины“, такъ остается и теперь (см. подробнѣе въ нашей первой критической замѣткѣ, 1905, IX, стр. 381).

Итакъ, невольное признаніе автора вполне искренно: онъ въ своей книгѣ, какъ это особенно видно по студенческой его работѣ, тождественной съ настоящей книгою и по схемѣ

и содержанію, но нѣсколько разнящейся по заголовку, — стоялъ въ полной зависимости отъ своихъ пособій западной литературы. Но авторъ не долженъ былъ этого дѣлать, во-1-хъ, имѣя въ виду большую разницу въ задачахъ современной русской богословской науки и западной, во 2-хъ, не опуская изъ вниманія своего собственнаго положенія, какъ молодого автора перваго печатнаго труда.

1. Еще Пушкинъ сказалъ: что нужно Лондону, то рано для Москвы. Это глубоко вѣрно и важно для всѣхъ областей жизни. Здоровое развитіе должно отличаться постепенностью, начиная съ того, на чемъ остановилось раннѣйшее движеніе. И нашему автору нужно было имѣть въ виду все различіе временныхъ задачъ русской богословской науки и западной. Наши богословы пока признаютъ боговдохновенность Библии и истинное божественное призваніе за еврейскимъ народомъ. Конечно, можетъ быть, при дарованіи теперь различныхъ свободъ и отмѣною цензуры, въ будущемъ и будетъ возможно отрицаніе всего этого. Но не о неизвѣстномъ будущемъ у насъ рѣчь, а о ближайшемъ прошедшемъ и настоящемъ. На западѣ же совсѣмъ другое. Тамъ весьма мало богослововъ, признающихъ боговдохновенность свящ. книгъ и считающихъ евр. народъ Богомъ избраннымъ. Поэтому не удивительно, что тамъ требуется иная постановка библейскихъ вопросовъ, нежели у насъ. Это во-1-хъ. Во-вторыхъ, нужно имѣть въ виду и богатое развитіе западной богословской науки, гдѣ существуетъ своего рода раздѣленіе труда. Тамъ есть и библейская исторія, и библейское богословіе, и исторія царства Божія, и исторія мессіанской идеи. А у насъ ничего подобнаго. Поэтому русскій богословъ долженъ иначе ставить вопросы и рѣшать ихъ, имѣя въ виду самое насущное, необходимѣйшее, и не гоняясь за своего рода роскошью. Это все равно, какъ въ хорошей обширной экономіи всякій рабочій приставленъ къ своему опредѣленному дѣлу и исполняетъ его, а въ общемъ получается богатая и разнообразная жизнь; тогда какъ въ бѣдномъ хозяйствѣ крестьянина одни и тѣ же лица должны исполнять всѣ нужды и удовлетворять всѣмъ потребностямъ семьи. Въ 3-хъ, и западные ученые, дающіе особую постановку библейскимъ вопросамъ, отнюдь не наполняютъ своихъ монографій тѣмъ, чѣмъ нашъ авторъ. В. Д. Поповъ на протяжении почти всей своей книги упражняется то въ болѣе

полномъ, подробномъ, то въ сокращенномъ изложеніи теорій западныхъ ученыхъ. Тогда какъ западные его „коллеги“ посвящаютъ свои труды самостоятельнымъ изслѣдованіямъ относительно, напр., текста, состава, автора извѣстной книги, хронологическихъ датъ извѣстныхъ событій и т. п., имѣя въ виду многіе общепризнанные рационалистическіе тезисы.

2. Авторъ, совершенно неосновательно упустивъ изъ виду состояніе русской богословской науки и ея ближайшія задачи, „вполнѣ сознательно“, повидимому, преслѣдовалъ химеры. Именно, онъ оправдываетъ свое пренебреженіе къ важнѣйшимъ вопросамъ своей темы тѣмъ, что его работа, по его собственнымъ словамъ, *pretendуетъ на значеніе научной, считается съ положеніемъ извѣстной проблемы въ наукѣ* (стр. 822). Вотъ новое, то же невольное, признаніе! Конечно, претензіи возможны, но бываютъ разныя „претензіи“. Авторъ съ работою на студенческой скамьѣ „pretendуетъ на научное значеніе“. Среди кого? Среди западныхъ ученыхъ, „какъ одинъ изъ нихъ“, такъ что, быть можетъ теперь, Гоонаккеръ, Кбстеръ, Селлинъ и др. въ своихъ изслѣдованіяхъ будутъ говорить: „какъ это (что-нибудь) доказалъ русскій ученый Негг Ророфф?“ Но думается, что такого предположенія не допустить и самъ авторъ. Значитъ, остается допустить, авторъ претендуетъ „на научное значеніе“ среди русскихъ богослововъ-профессоровъ, такъ какъ широкую публику „положеніемъ извѣстной проблемы въ наукѣ“ авторъ самъ отталкиваетъ. Но, да проститъ намъ авторъ, не наивно ли мечтать и объ этомъ? Неужели для автора не ясно, что профессора смотрятъ на работу студентовъ, или только что оставившихъ студенческую скамью лицъ, этихъ молодыхъ философовъ, ничтоже сумняся разбивающихъ Канта и Гегеля,—богослововъ, ниспровергающихъ Гарнака и Велльгаузена, какъ на *гимнастическое упражненіе* молодыхъ силъ, часто возбужденныхъ не столь внутреннею интенсивностью, сколько кипѣніемъ крови. Подобно тому какъ солдаты-новобранцы, поражая манекены или чучела, „дѣлаютъ примѣръ“, что, при командѣ „пли“, колютъ дѣйствительнаго врага; такъ и мы только „дѣлаемъ примѣръ“, критикуя на студенческихъ скамьяхъ съ плеча всѣхъ и все. И какъ солдатъ, зарубившій нѣсколько манекеновъ, наивенъ былъ бы, вообразивъ, что представляетъ собою поэтому очень серьезную силу для враговъ, такъ и мы, предположивъ, что наши досужія упражне-

нія силъ представляють такую „научную работу“, съ которою должны считаться чуть не заграничные профессора. Вѣдь для людей, сколько-нибудь знакомыхъ съ архитектурной подобныя работъ, цѣна нашимъ трудамъ ломанный грошъ. Для такой „научности“ достаточно умѣть читать по-нѣмецки, и хотя бы съ словаремъ въ рукахъ умѣть переводить на русскій языкъ. И вдругъ съ такою-то работою претендовать на „научное значеніе“: это значить увлекаться до самозабвенія маневрами, какъ дѣйствительной битвой. Вѣдь нужно помнить и имѣть уваженіе къ часто прямо колоссальнымъ знаніямъ, богатымъ талантамъ и, кромѣ того, многолѣтнему труду многихъ ученыхъ, часто извѣданныхъ востокъ, изучившихъ Палестину, ассиро-вавилонскія и египетскія древности, часто посѣдѣвшихъ въ изученіи своего предмета и только послѣ того высказывавшихъ свое авторитетное сужденіе,— нужно имѣть, наконецъ, уваженіе къ здравому смыслу, чтобы не критиковать такихъ ученыхъ вкривь и вкось на школьной скамьѣ и особенно не увлекаться до того, чтобы воображать, будто эта скороспѣлая, часто наивная критика можетъ имѣть „научное значеніе“. Если бы это было такъ, тогда не простиительно скромными были о насъ слова поэта: „Не бездарна та природа“... Тогда, конечно, нужно кричать прямо: „гениальна та природа, славень тотъ край“, гдѣ юноши, студенты побѣждаютъ даровитыхъ сильныхъ мужей другого народа. Намъ думается, что это стремленіе къ безшабашному критиканству есть отраженіе въ наукѣ того же чувства, которое яѣруетъ, что мы „закидаемъ шапками“, или поморозимъ морозомъ. Но въ наши дни этому часто невинному самохвальству нанесенъ смертельный ударъ. Но неужели подобная гибельная, прямо убійственная самоувѣренность останется въ наукѣ?!

Теперь коснемся нѣкоторыхъ частныхъ отвѣта намъ со стороны В. Д. Попова. Указывая автору на то, что трудно получить по его книгѣ опредѣленное цѣлостное представленіе о возвращеніи іудеевъ изъ плѣна и жизни ихъ послѣ плѣна, въ виду постояннаго уклоненія автора въ сторону разбора и критики разныхъ теорій, мы говорили, что лучше было бы ему избрать такой планъ: во введеніи къ сочиненію рассмотреть главнѣйшія возраженія противъ источниковъ его сочиненія, книгъ Ездры-Нееміи, пророческихъ книгъ; а въ изложеніи самого сочиненія полемизировать съ западными

учеными по болѣе уже частнымъ вопросамъ подѣ строкою, какъ это дѣлаетъ, напр., Кёлеръ; при чемъ, самое сочиненіе раздѣлится на двѣ части: первая часть о внѣшней жизни, вторая—о внутренней. На это намъ В. Д. Поповъ глубокомысленно замѣчаетъ, что „введеніе въ сочиненіе—органическая часть сочиненія, а не свободная кладовая“ (823 стр.). Это возраженіе противъ предлагаемаго плана, непонятное вообще, становится въ двое непонятнѣе со стороны автора разсматриваемой книги. Никто не называетъ введеніе въ сочиненіе „кладовою“, но всякій знаетъ, что въ немъ рѣшаются предварительные вопросы, иногда не менѣе важные для темы, чѣмъ и самое сочиненіе, но только болѣе отдаленные. Если введеніе въ сочиненіе, скажемъ по адресу автора, не кладовая, то тѣмъ болѣе самое сочиненіе. Какъ же онъ вдвинулъ въ средину своего сочиненія IV главу о гипотезѣ Костерса, по его собственному сознанию, „дѣйствительно нарушающую формальную стройность сочиненія“ (стр. 821), вдвинулъ за богатство матеріала, или какъ онъ самъ выражается „въ матеріальномъ смыслѣ“?—Авторъ отвѣта уличаетъ насъ въ противорѣчіи: то мы отъ него желаемъ „по возможности всесторонне изслѣдовать данный періодъ“ (387), то сами же называемъ его „темнымъ“ (384). Мы не видимъ противорѣчія въ своихъ словахъ: *по возможности*, т. е. насколько позволяютъ источники и здравыя соображенія и предположенія, *всестороннее изслѣдованіе темнаго періода весьма желательно*. А нашъ авторъ, узнавъ отъ Генгстенберга, что этотъ періодъ „темный“, не постарался розыскать и тѣхъ немногихъ дорогихъ свѣтильниковъ, которые до извѣстной степени разсвѣяваютъ мракъ разсматриваемаго времени.—Кромѣ того, авторъ упрекаетъ насъ за характеръ сужденій, за „тонъ“. Но этотъ упрекъ, не вѣрный для даннаго случая, не умѣстенъ по существу. Вѣдь давно извѣстно: *Style est l'homme*.

М. Посновъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки